

БОЕЦ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

К 60-летию со дня рождения
Вс. Вишневого

Вс. ВИШНЕВСКИЙ на борту корабля, 1939 год.

Недавно совсем, на вечер в одной из московских школ, я слушал, как Евгений Самойлов читал десятиклассникам разговор о бессмертии из фильма Александра Довженко «Щорс», в котором артист сыграл заглавную роль.

Я вслушивался в пленительную, как Днепр шумевшую, довшенковскую речь, вглядывался в девичьи и мальчишечьи лица — они были схвачены прекрасным волнением, как бы озарены мечтой художника, коснувшейся их глаз, щек, души неслышными своими крыльями. И я думал не только о Довженко, но и о его друзьях — Александре Фадееве и Всеволоде Вишневском, я думал о бессмертии всей когорты художников революции, вошедших в неколебимый строй ее солдат с первыми громами пушек Октября, прошедших с нею всю дорогу, трудную, полную тягот, но и чудесную, но и неповторимую. Они остались в строю навечно, как остаются в строю герои полка, чьи имена выкликаются на вечерней поверке.

Почти десять лет минуло с той поры, когда отгремел над Новодевичьим кладбищем печальный и торжественный салют военных моряков, отдавших воинские почести любимцу флота, одному из крупнейших советских писателей, выдающемуся советскому драматургу Всеволоду Вишневскому. Но будто бы и нынче слышится в ушах этот прощальный залп, будто бы и сегодня стучит в сердце горечь утраты...

Ровесник века, он родился в Петербурге, и с детства дули над ним балтийские ветры, влекли с детства море, корабли, флот. Мальчишкой, которому еще и пятнадцати не стукнуло, убежал из дома — на войну, добровольцем. Сперва, конечно, на корабль, юнгой, оттуда в окопы, в разведку, лицом к лицу с опасностью, со смертью. Отважный подросток награждается Георгиевским крестом и двумя георгиевскими медалями — символами личной солдатской храбрости. Вместе с новыми, бородатыми друзьями, чью дружбу обрел и завоевал мальчик в крови войны, в тяжком окопном бытии, вместе с матросами и солдатами уходит юный Всеволод Вишневский делать революцию, биться за их правду, ставшую его правдой. С тех дней он никогда не демобилизовывался — ни формально, ни по существу.

Вишневский воевал как пулеметчик — спервоначала в береговом отряде Балтфлота, потом на кораблях Волжской флотилии, затем на бронепоезде «Грозный», потом в Первой Конной. Украинна, пылающий Юг, Азов, десантная операция сторожевых катеров в Азовском море, разгром Врангеля... Романтика борьбы входила в кровь, в сознание. Формировался характер, складывался художник. Рождалась генеральная тема будущего творчества. Армия, ее люди, флот, его люди — вот муза Вишневого, его песня.

Перечитайте сейчас «Первую Конную», и вы поймете, почему

эта пьеса сделала имя Вишневого известным. Он писал и до нее, еще в 1921 году шла его пьеса «Суд над кронштадтскими мятежниками». Издавались его рассказы, очерки. Но с «Первой Конной» словно бы ворвался на сцену буйный талант, поражающий щедростью подслушанного языка, чеканной отделкой драматических эпизодов, знанием и чувством сцены и, главное, накалом художнической и революционной страсти.

Вишневский уже этой своей пьесой и далее, в других пьесах, сценариях, очерках, сильных прозаических кусках вносит в литературу, в драматургию, в кинематограф свое, индивидуальное, присущее только его художественному почерку. Вы узнаете, угадаете, отличите этот почерк — произносит ли Вишневский речь, слышится ли диалог со сцены или смотрится на экране фильм. Иногда с ошибками иногда с издержками, но всегда целенаправленно, всегда пылко, всегда мужественно ведет он свою линию в искусстве — новаторскую, революционную, спокойную. Эта линия — на масштабность, на слитность новой формы и нового содержания, на переплетение романтического и реального, героического и бытового. Но быт как быт никогда не волновал Вишневого художника. Романтическая приподнятость была и частью его природы, и сущностью творчества. Пафос не мыслится им без детали, достоверности, штриха, конкретности, предметности. Так рождалась в приподнятом, романтическом складе сценария «Мы из Кронштадта» труба оркестра, или «псковской», или летящая в морскую пучину гитара...

И в этом фильме, поистине неувядаемом, оставшемся в мировом искусстве как одно из его крупнейших достижений, Вишневский-художник неотделим от Вишневого-трибуна, Вишневого-большевика, Вишневого-комиссара. Я был в блокаде, я помню, как женщины, которых так закалила блокада, что они даже не оглядывались, если рядом разрывался снаряд и их обсыпало землей, они, эти ленинградские женщины, плакали, когда слушали Вишневого, и это были чудесные, несравненные слезы — ведь Вишневский звал к отпору, к борьбе, это были слезы ярости и презрения к врагу. В ту лихую годину и слово, и перо Вишневого были на вооружении Краснознаменного Балтийского флота, на вооружении Ленинграда, как тяжелые гаубицы, как танки, как главный калибр линейных кораблей.

Вишневский был и в журналистике бойцом переднего края. Всю блокаду провел он в Ленинграде, вместе с войсками двинулся вперед, на запад, ему принадлежит корреспонденция в «Правде» о первых орудиях, давших залп по фашистскому Берлину. Кончилась война, и он снова в движении, он едет на процесс военных фашистских преступников в Нюрнберг, и мы читаем его пронизанные святым гневом корреспонденции. Уже тогда, в этих письмах с процесса, пророчески говорит Вишневский о будущих «наследниках» кровавых традиций гитлеровского вермахта... Вишневский умел видеть завтра, и недаром так пристало к нему флотское — «впередсмотрящий...».

Время идет и удивительно быстро, и удивительно медленно. Ка-

жется, еще вчера был с нами Всеволод, и сколько же произошло за эти кипящие годы! Какой гигантский скачок сделала наша страна, преобразуя людей, природу, мир! Необразимые новые жилищные массивы и новые города, потребовавшие переделки географических атласов. Братск и Куйбышев, Целина и космос. Огромный рост духовной жизни нашего общества, материальный, экономический, рост могущества Родины. А изменения в мире, происшедшие за эти годы, пробуждение Азии и Африки, тридцать шесть миллионов коммунистов на земном шаре! Ведь это все источники вдохновения Вишневого, его муза.

Но Вишневский и был с нами, живой все эти годы. Он был с нами и во времена двадцатого съезда, делегаты которого смотрели вдохновенный спектакль ленинградцев, вновь воскресивших «Оптимистическую трагедию». За это десятилетие «Оптимистическая трагедия», второй раз родившись, триумфально прошла по сценам страны. И в Берлине, и в Париже, и в Варшаве, и в Пекине она вновь доказала силу истинно революционного искусства — нестареющего и нетленного.

За эти десять лет вышло большое собрание сочинений писателя, шестой том которого скоро появится. В собрание вошло и опубликованное при жизни и неопубликованное. Вишневский был строг, даже слишком строг к себе, и оттого только теперь можно по достоинству оценить все сделанное им в литературе — его стремительную и жаркую прозу, динамичные, согревшие страстью художника-новатора пьесы, его публицистику, отмеченную чертами зрелого мастерства, его дневники, эту каждодневную летопись Отечественной войны, его письма и статьи о драме, о театре, об искусстве. А сколько драгоценного, нужного заключено в речах Вишневого!

Во всем этом — бессмертие писателя.

Я был на представлении пьесы «Оптимистическая трагедия» в Будапеште, в театре имени Петефи. Я видел, какими аплодисментами, какой овацией отвечает зритель на пламенные слова женщины-комиссара о силе партии. Я видел, как утирала слезы сидевшая впереди меня женщина в черном, с посеребренной прядью волос. Я спросил ее в антракте через переводчика, почему она плачет? Она ответила мне, что ей, коммунистке, во время контрреволюционных событий в Будапеште было так же тяжело, как было тяжело комиссару из пьесы Вишневого, когда та боролась с разбушевавшейся анархической стихией. «Но я так же верила в силу партии, верила в победу, как этот маленький комиссар», — добавила она тихо.

В скупой слезе венгерской коммунистки я тоже увидел бессмертие Вишневого, бессмертие художника революции.

Александр ШТЕЙН.